

*«Он открыл ей тайну,
за которую всякий из нас дорого бы дал»...*
(А. С. Пушкин «Пиковая дама»)

Повесть «Пиковая дама» написана Пушкиным в конце второй Болдинской осени, в 1833 году. Без преувеличения, это самое загадочное произведение не только в его творчестве, но и во всей мировой литературе. Банальная картежная история обрела под пером Пушкина глубину и значение символа, стала пророчеством о судьбе не только России, но и всего человечества. Между тем современники и критика встретили повесть холодно, именно как рассказ об амбициях и трагедии одного человека. Да и мы сейчас в недоумении стоим перед загадкой «Пиковой дамы», не постигая ее вполне.

Но прежде чем обратимся непосредственно к повести,— несколько необходимых предварительных замечаний. Почему карты? Ну, это-то как раз ясно: карты, как и водка — один из очень горестных символов России. За карточными столами в одну-две ночи спускались миллионные состояния, ломались судьбы, рушились карьеры.

Пушкин и сам был азартным картежником — это хорошо известно. Правда, в отличие от стихов, в картах ему чаще всего не везло, и он оставил после себя карточных долгов на пятьдесят тысяч рублей. Платить по долгам поэту пришлось самому императору Николаю I. В русском обществе пушкинского времени уже начали происходить те разрушительные, прежде всего духовные, процессы, которые, в конце концов, и приведут Россию к катастрофе: помещики перестали заниматься хозяйством, дворяне — служить, чиновники — профессионально исполнять свои прямые служебные обязанности. Многим, очень многим захотелось испытать судьбу, поймать «миг удачи». Традиционные добродетели — нравственность, честь, совесть, вера и любовь — были отброшены во имя одной цели: быстро и без особых усилий достигнуть богатства, в котором одном и виделось счастье всей жизни. В общем, все как сейчас, в XXI веке. А теперь обратимся к пушкинской повести.

...Раннее утро. За столом сидит компания молодых людей. Одни, те, кто в прошедшую ночь выиграл, с аппетитом едят и пьют, проигравшие же сидят тихо и печально, глядя в свои тарелки. Слышен разговор...

— Ну, что ты сделал, Сурин?

— Проиграл по обыкновению.

Итак, с первых же строк повести звучит тема проигрыша, причем «по обыкновению», то есть проигрыша системного, «хронического». В проигрыше не только какой-то там Сурин, а вся Россия, весь мир. Все — банкроты!

И вот, оказывается: есть некая тайна, узнав которую, можно быстро поправить свои дела. И не только поправить, а сделаться богатым и счастливым! Оказывается, бабушка одного из игроков, некоего Томского, владеет секретом: знает три верных карты, которые могут выиграть три раза сряду! В свое время ей открыл их, снизойдя к ее мольбам и слезам, известный граф Сен-Жермен в Париже. И она смогла не только отыграть крупный проигрыш, но и остаться с прибылью.

Сама же старая графиня не открыла свой секрет никому, кроме некоего Чаплицкого, крупно проигравшегося и бывшего в полном отчаянии. «Сжалившись над ним», — сказано в повести, — она и открыла ему три верные карты». Возьмем на заметку эту тему жалости, сострадания как условия открытия тайны. «Тайны открываются смиренным и умоляющим», — пишет апостол.

Но вот именно этих-то качеств и был напрочь лишен военный инженер немец Германн, присутствовавший тут же и слышавший весь разговор о тайне старой графини. Он имел пламенное воображение, но подавлял его внешней сдержанностью, в его груди бушевали огненные страсти, но он обуздывал их. Будучи в душе страстным игроком, Германн никогда не садился играть, боясь потерять необходимое в стремлении получить излишнее. Проще говоря, он хотел обрести все, сразу и наверняка.

Легко себе представить, какая буря чувств и мыслей поднялась в его душе, когда он услышал о секрете графини. Вот она, тайна, дающая возможность сразу и без трудов получить желаемое! Амбициозные планы и мечты обуревали его. Пушкин недаром отмечает его сходство с Наполеоном, особенно в профиль. Как и корсиканец, он имел перед собой цель, достигнуть которой желал во что бы то ни стало, не задумываясь о цене, особенно цене нравственной.

И вот уже от тайны к его душе протянулась духовная нить, и по этой нити пошел «ток высокого напряжения». И дело тут не только в Германне и его амбициях, а в каждом из нас, в человечестве, стремящемся добиться комфортной и обеспеченной жизни также любой ценой. Так и слышатся тут слова Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее — наша задача».

Взять! То есть отнять силой, в том числе грубой силой с помощью перекрытия и поворота рек, истребления лесов и животных, отравления атмосферы, а также бесцеремонного вторжения в такие области, куда

нам высшими силами вход заказан. И так, видим, какой огромный обобщающий — пророческий! — смысл несет в себе эта небольшая (всего-то двадцать девять страниц!) пушкинская повесть. Она с большой силой являет нам, к каким трагическим последствиям может привести наша жестокая и безудержная экспансия по отношению к природе, к миру, ближнему и дальнему. Предупреждение Пушкина оказалось пророческим. Мир его не услышал при жизни поэта. Не слышит и сейчас.

Германн был готов на многое, чтобы узнать тайну графини, тайну, которая отныне занимала все его воображение, стала, можно сказать, подлинной идеей-фикс для него. Сначала он хотел войти в доверие к ней, даже сделаться, несмотря на ее старость, ее любовником! Но все это были варианты долгие, требующие немалых усилий. К тому же графиня была стара и могла вот-вот умереть.

И он решил действовать быстро и решительно. Он проникает в комнату старой графини, только что вернувшейся с бала. И вот какой разговор происходит между ними.

— Я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германн остановился. Графиня, казалось, поняла, чего от нее требовали.

— Это была шутка, — сказала она, наконец.

— Этим нечего шутить, — возразил сердито Германн, — вспомните Чаплицкого, которому помогли вы отыгаться!

Графиня молчала.

— Для кого вам беречь вашу тайну? — продолжал Германн. — Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором. Я готов взять ваш грех на свою душу.

Старуха не отвечала ни слова.

Германн встал.

— Старая ведьма! — сказал он, стиснув зубы. — Так я же заставлю тебя говорить!

С этим словом он вынул из кармана пистолет.

— Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты?! Да или нет?!

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла.

Тайна не терпит грубого нажима, угроз, она умирает от них, но все-таки не открывается, как умерла старая графиня от угроз Германна. И то, что он испытывал, пытаясь овладеть ее тайной, и то, каким образом он пытался это сделать, есть не только его личное, но и общечеловеческое, общецивилизационное действие.

Пушкин заглянул в наше время, в XXI век, и увидел все до дна. И показал нам, к каким страшным последствиям может привести (и действительно уже приводит) наша жестокая экспансия по отношению к природе и ее тайнам. Мы ведь тоже хотим, как и Германн, вырвать у нее тайны силой. И наши ракеты, лазеры, атомные станции, сверхмощные буровые установки, вгрызающиеся в толщу Земли, суть не что иное, как тот же пистолет Германна, направленный на старую графиню, не желавшую открыть ему свою тайну трех карт. «Старая ведьма! Так я же заставлю тебя говорить!»

«Заставлю!» Он пытался заставить, и мы, нынешние, пытаемся силой вырвать у природы ее тайны, не понимая и не признавая, что она — живое, мыслящее существо, с которым надо договариваться, устанавливать духовный контакт, сотрудничать, а не воевать. Хотя бы потому, что исход этой войны предопределен: мы, человечество, обречены на поражение. Природа, как и старая графиня, молчит и ... умирает.

... После смерти старая графиня является Германну и открывает ему тайну трех верных карт.

— Я пришла к тебе против своей воли, — говорит ему она. Но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка семерка и туз выиграют тебе сряду...

Почему высшие силы все же повелели графине открыть Германну свою тайну? Потому что не будь этого, мы бы вслед за ним так и думали, что история о трех картах не более чем анекдот, легенда и что тайны никакой на самом деле нет. Но своим явлением и открытием секрета графиня показала: тайна есть! Две карты-то выиграла и выиграла крупные суммы. Но третья, то есть туз... Третья проиграла. Вместо туза оказалась ...пиковая дама. Германн, говоря языком картежников, «обдернулся», то есть ошибся, одну карту приняв за другую.

Надо сказать о том тайном смысле и значении, которые имеют тройка, семерка и туз в кабалистике — тайном учении иудеев, в которое Пушкин был посвящен. Ведь не случайно же, а с глубоким эзотерическим смыслом названы именно эти карты, а не другие. Оставляя за скобками сложные мистические экстраполяции, непонятные современному человеку, скажем упрощенно, но без искажения смысла: «тройка» в кабалистике иудеев означает триединую основу мира и человека (материя, душа, дух), «семерка» — семь составляющих человека и мироздания (семь небес) и, наконец, Туз — не кто иной, как сам иудейский Бог, Яхве, Иегова, Творец всего сущего.

Таким образом, смысл трех карт таков: достичь верного выигрыша, обрести природу и Вселенную человек может, только приобщившись к первоосновам мира и мироздания, а через это и к самому Творцу! Но для этого необходима высочайшая степень духовности, необходима вера, которой не было у Германна, на что прямо указывает Пушкин («он имел мало веры и много предрассудков»). Нет ее и у нас, стремящихся кавалерийским наскоком или танковой атакой взять у природы ее милости и тайны.

И что в итоге? Жалкий итог! Две карты выиграла, показав, что тайна-то есть, она «работает», а вот третья...

— Туз выиграл! — воскликнул Германн.

— Ваша дама убита!

Все, выигранное ранее, проиграно. Тайна блеснула, показалась на несколько мгновений и исчезла, словно сказочная Жар-птица. Поди-ка, поймай ее!

Дальше — для Германна безумие и мрак. А для нашего мира — безумие, мрак и гибель. Горит наш мир, горит и на Востоке, и на Западе. И сошедшие с ума народы мнутся, бьют друг друга и не могут найти дороги, потому что не знают Бога истинного. Пушкин в своей пророческой повести предупредил нас об опасности такого пути и о страшном исходе, к которому он может привести. Мы его не слышали. Тем хуже для нас...

xxx

На душу поэта с особой мощью воздействуют главные мировые силы. В этом — источник его прозрений и в этом же его трагедия. Что это за силы? Светлые, идущие от Бога, и темные — от сатаны. В конце своей последней Болдинской осени, в ноябре 1833-го, Пушкин испытывал чувство большого духовного подъема и одновременно огромной усталости. И было отчего! Создано свыше пятидесяти художественных произведений в стихах, прозе и драматургии. И каждое — шедевр. Все это менее чем за полгода. Его художественные образы, целые сцены являлись ему в виде ярких видений, и надо было только успеть записать их. Он слышал живые голоса своих героев, он чувствовал их души и страсти. И они переливались в его душу, а оттуда — на листы бумаги. Бумага рвалась, перья не выдерживали и ломались через каждые три-четыре страницы. Но он — сделал. Сотворил! И это — уникальный, единственный случай в мировой литературе.

«За всяким богоугодным деянием следует или ему предшествует искушение»,— учат святые отцы. Так было и у Пушкина. Уже первой Болдинской осени 1830 года предшествовали искушения в виде крайне расстроенных денежных дел, ссоры с семейством Гончаровых и неопределенность будущей женитьбы, надзор полиции.

А за гениальным взлетом осени 1833 года последовал творческий кризис, новые долги, травля в журналах, измена лучших друзей, холодность двора и светские сплетни, и многое, многое другое. Пушкин предчувствовал это, когда ехал по тряским дорогам из Болдина в Москву. Он, предвидевший будущность России и многих народов, не мог разобраться в собственном будущем и настоящем. Ясно было только одно: ничего хорошего его не ожидает.

*Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море...*

После второй Болдинской осени ему оставалось жить чуть более трех лет. Последний свой земной год — 1836-й — он проведет в каком-то духовном оцепенении, окруженный непониманием даже самых близких людей, в плену житейских страстей и проблем. И вот — мерзкий пасквиль: диплом «магистра ордена рогоносцев», приведший к смертельной дуэли. Наконец, дуэль, смерть и погребение в неизвестной до сих пор могиле...

Он ехал из Болдина по полям, по дорогам, уже схваченным первым морозом, с колеями, блестящими стальным блеском. Небо было каким-то странным: темно-лиловым, почти черным, а на нем горели алые, палевые, изумрудные, фиолетовые и синие полосы студеного осеннего заката. Коляска ехала прямо на закат и, казалось, вот-вот въедет в него и растворится в нем, в его огне. Но он быстро угасал, и на поминутно темнеющем небе все ярче цвели острые, крупные и холодные звезды...

Дьявол, сидевший на арзамасской каланче и красными глазами глядевший во мрак, прекрасно видел и коляску, и едущего в ней. Он взмахнул громадными черными крыльями и понесся туда. Но ангел светлым видением тихо и невесомо опустился на правое плечо поэта, и дьявол, сверкнув огненным взором, круто накренился на крыло, резко развернулся и исчез до времени в бесконечных черных просторах...

Май 2020 года.